

© 2019 г.

О. В. ЗАИЧЕНКО

РОССИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ В ГЕРМАНИИ ВО ВРЕМЯ ЭЛЬЗАССКОГО КРИЗИСА 1790—1793 годов

Заиченко Ольга Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640003808-6

С середины XVIII в. Российская империя все больше превращалась в доминирующую балтийскую державу, становясь частью европейской системы государств. В основном Россия рассматривалась монархами Европы как ценный союзник в континентальных конфликтах, а также в войнах против Турции — «общего врага всего христианского мира». Российская империя начала играть важную роль и во внутренних делах германских государств, где сталкивались интересы ведущих держав в борьбе за преобладающее влияние на континенте.

Господствовавший в конце XVIII в. взгляд на Россию через призму ее внешней политики порождал в европейском сознании внутренний дуализм ее образа. Россия, спасительница Европы в восприятии одних, в глазах других превращалась в ее главную угрозу. Причем обе эти противоположные позиции опирались на одну и ту же концепцию сохранения политического равновесия, которая играла определяющую роль в международных отношениях XVIII — первой половины XIX в.

В результате европейским общественным мнением Россия, с одной стороны, воспринималась как часть Европы и важная составляющая европейского баланса сил. С другой стороны, согласно одной из популярных версий, разработанной в основном французскими публицистами, Россия, будучи страной, стремящейся к европейской гегемонии, представляла собой постоянную угрозу политическому равновесию в Европе; Россия часто воспринималась как агрессор, вторгающийся извне внутрь европейской системы с целью ее разрушить.

В первое десятилетие после Французской революции в немецких политических дискуссиях Россия рассматривалась в основном в рамках европейского внешнеполитического дискурса и связанного с ним вопроса об угрозе «всемирной гегемонии» со стороны «Северной империи» и сохранении баланса сил. Для германских государств, серьезно обеспокоенных многолетним противостоянием Австрии и Пруссии внутри Священной Римской империи, а извне зажатых с Востока и с Запада между двумя сильнейшими державами Европы — Россией и Францией, вопрос о сохранении «status quo» в имперских землях при помощи различных внешнеполитических альянсов был чрезвычайно актуален и играл важную роль в жизни немецкого общества. В конце XVIII в. свое посредничество в поддержании политического равновесия в этом регионе, которое в ходе австро-прусского соперничества находилось под постоянной угрозой, немцам предложила Россия.

С начала царствования Екатерина мечтала стать арбитром в европейских делах. Первая, но безуспешная попытка была предпринята ею в конце Семилетней войны: Губертусбургский мир¹ между Австрией, Саксонией и Пруссией, несмотря на

¹ Губертусбургский мир между Пруссией, Австрией и Саксонией, завершивший Семилетнюю войну (1756—1763), был подписан в саксонском охотничьем замке Губертусбург недалеко от Лейпцига 15 февраля 1763 г.

настойчивую инициативу со стороны русской императрицы, был подписан весной 1763 г. без ее участия, что было расценено как дипломатическое поражение России. В 1775 г. с более сильных позиций «вооруженного нейтралитета», Россия вновь предложила свои услуги в качестве миротворца в деле решения конфликта в связи с признанием независимости британских колоний в Америке.

Затем на приоритетное место во внешней политике России выдвинулся германский вопрос. Будучи союзником Пруссии, Екатерина II активно вмешивалась в длительный прусско-австрийский конфликт и войну за баварское наследство 1777—1779 гг. В 1779 г. благодаря посредничеству при заключении Тешенского мира, увенчавшего войну за баварское наследство, Екатерине удалось законодательно утвердить свой статус европейского арбитра. В тексте австро-прусского трактата упомянуто, что благодаря посредничеству России, а также Франции, которая была приглашена своей союзницей — Австрией, удалось избежать кровопролития. Провозгласив мир между обеими державами, договор законодательно определил взаимоотношения Пруссии, Австрии и германских княжеств. Одновременно, что очень важно, были подтверждены Вестфальский мирный договор 1648 г.² и все трактаты, заключенные между Пруссией и Австрией после 1648 г. Специальной статьей Россия и Франция приглашались присоединиться к договору в качестве гарантов. Князь Н. В. Репнин³ и французский посланник в Вене барон Луи Огюст де Бретейль подписали акт гарантии австро-прусского мирного договора.

Тешенский договор 1779 г., заключенный между Австрией и Пруссией при посредничестве России и Франции, стал крупным успехом русской дипломатии: он повлек за собой значительное усиление позиций России в Германии. Екатерина II выступила гарантом закрепленного договором порядка в германских землях, что дало ей возможность бесцеремонно вмешиваться в дела Пруссии и германских княжеств для «поддержания идеи равновесия и неприкосновенности Священной Римской империи под покровительством России»⁴. В Санкт-Петербурге при Коллегии иностранных дел возникло немецкое отделение, служившее проводником «русской инфлюэнции» в Германии. Отныне многие, не только общеимперские, но и частные дела немецких государей решались в российской столице⁵.

Закреплению за Россией роли арбитра способствовало также ее удачное международное положение по отношению к Священной Римской империи: оно не было осложнено ни конфликтом интересов, как в случае с Францией⁶, ни взаимными правовыми претензиями, как это происходило между Австрией и Пруссией⁷.

² Вестфальский мир включает два мирных соглашения — Мюнстерское и Оснабрюкское, подписанные, соответственно, 15 мая и 24 октября 1648 г. Ими завершилась Тридцатилетняя война (1618—1648) за гегемонию в Священной Римской империи и Европе. Вестфальский мир положил начало новому порядку в Европе, основанному на концепции государственного суверенитета. Соглашения затронули Священную Римскую империю, Испанию, Францию, Швецию, Нидерланды и их союзников в лице князей Священной Римской империи. До 1806 г. нормы Оснабрюкского и Мюнстерского договоров являлись частью конституционного закона Священной Римской империи.

³ Князь Николай Васильевич Репнин (1734—1801) — дипломат екатерининской эпохи, генерал-фельдмаршал.

⁴ *Трачевский А. С.* Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II 1780—1790 гг. СПб., 1877, с. 34—90.

⁵ *Трачевский А. С.* Указ. соч.; *Нерсесов Г. А.* Политика России на Тешенском конгрессе (1778—1779), М., 1988; *Искюль С. Н.* Россия и германские государства (1801—1808 гг.). СПб., 1996.

⁶ После окончания Семилетней войны баланс сил между Австрией и Пруссией поддерживался системой международных союзов. Австрия и Франция в 1770 г. закрепили свои союзнические отношения браком дофина, будущего короля Людовика XVI, с Марией Антуанеттой, одной из дочерей императрицы.

⁷ Противостояние Австрии и Пруссии внутри Священной Римской империи вновь обострилось к концу XVIII в. на фоне ослабления позиций Австрии из-за революционных восстаний в Венгрии и австрийских Нидерландах, а также неудач в войне с Турцией на стороне России.

Независимая позиция давала России возможность обрести доверие имперских со-словий. Проводя политику соблюдения собственных интересов, Екатерина стре-милась контролировать равновесие сил в германских землях. Прежние державы-гаранты сохранения «status quo» в Германии по условиям Вестфальского трактата — Франция и Швеция — не могли составить России конкуренцию: первая — как слишком заинтересованный сосед и союзник Австрии, вторая — в силу своей слабости после Северной войны. Во избежание риска заключения Австрией и Пруссией двусторонних соглашений об аннексии территорий внутри Империи по польскому образцу, русское правительство сочло необходимым провозгласить в качестве цели своей германской политики сохранение имперской конституции, гарантировавшей права средних и мелких немецких князей.

Впервые Россия получила легитимную возможность самостоятельного вмеша-тельства в дела Европы: до этого она участвовала в европейских конфликтах в качестве союзника одной из противоборствующих сторон. Наряду с Францией, Россия заняла в центре континента место, которое раньше принадлежало Швеции. Большинство немецких интеллектуалов восприняли это как неприятный симптом очевидного кризиса Священной Римской империи, которая уже не могла самосто-ятельно преодолеть немецкий дуализм. Небольшим княжествам становилось все яснее, что именно от обеих немецких держав исходит угроза их призрачному су-веренитету. С этого времени германские князья неоднократно обращались к рус-скому правительству за разрешением спорных вопросов на фоне продолжавшегося противостояния Австрии и Пруссии, стремившихся к расширению собственных территорий за счет более слабых соседей.

Первые самостоятельные шаги Российской империи в качестве арбитра в не-мецких делах и ее претензии на роль гаранта имперской конституции вызвали не-однозначную ответную реакцию со стороны германской политической и интел-лектуальной элиты. С 1790 г. в Империи началась активная дискуссия о праве России вмешиваться в дела немецких государств, захватившая как общеимперский рейхстаг, так и местную прессу. С 1791 по 1793 г. в Германии было опубликовано как минимум шесть сочинений полемического характера, посвященных вопросу о правомочности претензий Екатерины II на роль гаранта не только Тешенского, но Вестфальского мира, вошедшего в Тешенский трактат, что легитимизовало бы ее вмешательство в германские дела в качестве арбитра. Эти сочинения не пере-издавались, не переводились на русский язык, а потому еще не попадали в фокус исследований отечественных историков. Единственной попыткой хотя бы вскользь обозначить исторический контекст, связанный с публикацией одного из этих сочи-нений, стала небольшая статья немецкого историка Эрвина Оберлендера «Являет-ся ли императрица России гарантом Вестфальского мира?», опубликованная более тридцати лет назад⁸.

В этой связи представляется интересным рассмотреть развернувшуюся в 1790—1793 гг. общегерманскую дискуссию в связи с первыми шагами правительства Екатерины II в проведении самостоятельной политики в центре Европы как одну из первых попыток осознания немецким обществом места России в европейской системе государств на фоне угрозы французской экспансии имперских земель в Эльзасе и Лотарингии. Эти дискуссии имеют несколько смысловых пластов, рас-крывая не только ментальный образ страны-объекта восприятия, но и собственные проблемы народа-субъекта, формирующего образ «другого». Наряду с обсуждением

Развитие дипломатического конфликта с Пруссией усугубили также нацеленные против Австрии англо-пруссский (1788 г.) и прусско-турецкий (1790 г.) союзы. Назревала новая австро-прусская война. Лишь заключение 27 июля 1790 г. в Рейнбахе конвенции между Австрией и Пруссией об-легчило создание первой антифранцузской коалиции 1792—1797 гг.

⁸ Oberländer E. «Ist die Kaiserin von Rußland Garant des Westphälischen Friedens?». Der Kurfürst von Trier, die Französische Revolution und Katharina II. 1789—1792. — *Jahrbücher für Geschichte Ost-europas*. Neue Folge, Bd. 35, № 2, 1987, S. 218—231.

права российской императрицы вмешиваться в дела Империи, в центре дискуссии стояло также связанное с ним признание немецким обществом собственной политической слабости, что свидетельствовало о глубоком кризисе имперского самосознания. Анализируя публицистическую полемику периода Эльзасского кризиса, мы можем наблюдать, как в общественном сознании на смену средневековой Германской империи приходит нарождающаяся немецкая нация, на смену вассальной преданности — немецкий патриотизм, а новая формирующаяся идентичность требует от общества национальной сплоченности и государственного единства.

Внутренний кризис и политическая турбулентность, вызванная Французской революцией, активизировала в немецкой интеллектуальной среде вопрос сохранения баланса сил в Европе. Эта проблема обострилась на фоне усиления внешнеполитической активности России и экспансии Франции в Эльзасе, достигнув своего апогея в 1793 г. после окончания русско-польской войны 1792 г. и последовавшего за ней второго раздела Польши. Немецких интеллектуалов волновали революционные события, которые разворачивались у собственных границ, а именно, во Франции и Польше.

В 1793 г. началось развитие комплекса «русской угрозы» в немецкой публицистике. Во-первых, Польша сразу стала для немцев метафорой собственной Священной Римской империи, такой же слабой и раздираемой противоречиями. В отличие от французов, которые видели в польских событиях, особенно после подавления русскими войсками восстания Тадеуша Костюшко в 1794 г., контрреволюционный акт удушения деспотической империей революции и свободы, немцы рассматривали второй раздел Польши с точки зрения нарушения международного права, когда более сильные державы, игнорируя все договоренности, захватывают слабое государство и делят его территории. Во-вторых, благодаря поглощению Россией польских земель, рухнул «польский барьер», отделявший германские земли от России. Немцы с ужасом увидели «северного колосса» у своих восточных границ. Вполне естественно с их стороны было предположить, что вслед за Польшей та же участь постигнет и Германию.

Наблюдая за событиями у своих западных границ, немцы не без основания ощущали угрозу, что «революционный хаос» вместе с французской экспансией, преодолев Рейн, перекинется на германские земли. Первыми попали под удар французских санкций юго-западные княжества, имевшие земли на левом берегу Рейна, в Эльзасе и Лотарингии. По решению французского Национального собрания в августе 1789 г. они потеряли свои левобережные территории, а также права на владение ими, что спровоцировало начало так называемого Эльзасского кризиса. Кроме того, князья Рейнских земель все чаще подвергались угрозам в свой адрес со стороны Франции, поскольку охотно предоставляли убежище французским аристократам, не отказавшимся от идеи контрреволюционного реванша. Только что избранный император Леопольд II, по общему мнению, вместо того, чтобы активно противодействовать поползновениям революционного правительства Франции, больше интересовался польскими делами, чем положением в собственной Империи. В этой ситуации на протяжении всего 1790 г. курфюршества Трир, Пфальц и епископство Шпейер неоднократно поднимали перед рейхстагом в Регенсбурге вопрос, не пришло ли время обратиться имперскому сейму за помощью к императрице России, возложившей на себя миссию гаранта имперской конституции на основании актов Тешенского мира⁹. От имени заинтересованных князей юго-западных германских земель курфюрст Майнца, пытаясь задействовать не только официальные, но и личные каналы, в 1791 г. также обращался к состоявшему с Екатериной в родстве и тесных дружеских связях маркграфу Баденскому Карлу

⁹ См. инструкцию без даты, данную русскому послу во Франкфурте графу Н. П. Румянцеву по случаю выборов императора в 1790 г. — Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А. Н. Пыпина. Т. 12. Автобиографические записки. СПб., 1907, с. 601—605.

Фридриху с просьбой о помощи в посредничестве между имперскими сословиями и русской императрицей¹⁰. Чтобы усилить давление на рейхстаг и императора Леопольда русский посланник во Франкфурте граф Николай Румянцев по поручению петербургского кабинета со второй половины 1791 г. начал вести агитацию при дворах немецких княжеств за коллективное обращение имперских сословий к Екатерине за помощью¹¹. Возможно, русский дипломат и князья германских юго-западных земель действовали сообща. Во всяком случае, осенью 1791 г. майнцкий курфюрст Фридрих Карл фон Эрталь уже самостоятельно выступил перед имперским сеймом с предложением об общем обращении к Екатерине. Однако, как следует из его переписки с маркграфом Карлом Фридрихом Баденским, курфюрст не строил иллюзий по поводу реакции рейхстага и, прежде всего, представителей Австрии, Пруссии, Ганновера и Саксонии, которые отклонили предыдущие обращения. Эрталь полагал, что эти наиболее влиятельные германские государства, имеющие собственные завоевательные планы внутри Рейха, не заинтересованы в сохранении имперской конституции и вмешательстве России в дела Империи в качестве державы-гаранта¹². Кроме того, Эрталь, будучи имперским эрцканцлером, председательствовавшим на заседаниях рейхстага и в совете курфюрстов, обратился в конституционную коллегию при сейме за официальным подтверждением гарантийных прав России, где главным экспертом выступил его ближайший соратник, майнцкий юрист и имперский архивариус Иоганн Рихард фон Рот, находившийся, как многие полагали, на жалованье у русского посланника графа Румянцева. Во всяком случае, именно он из собственных средств оплатил юридическое заключение в пользу притязаний России¹³.

Факт, что и эрцканцлер, будучи вторым лицом в Империи, и русская дипломатия придавали большое значение этому заключению, говорит о том, что, несмотря на подписанный Россией в Тешене гарантийный трактат, ее правовой статус все равно требовал юридического уточнения и подтверждения прецедентом. Дело в том, что ратификация Тешенского мира в имперском сейме в феврале 1780 г. вызвала бурные дискуссии в связи с распространением гарантийных прав России не только на Тешенский, но и на Вестфальский мир. И хотя ни император, ни Империя не возражали против толкования, по которому гарантия Тешенского мира делает Россию гарантом Вестфальского мира и имперской конституции, они и не подтверждали этого, что в данном случае сыграло принципиальную роль. В итоге одобренное 29 февраля 1780 г. большинством голосов заключение сейма, признававшее Тешенский мир правовым актом империи, содержало специальную двусмысленную оговорку, согласно которой Тешенский мир «не может и не должен ущемлять» ранее принятые положения, касающиеся Вестфальского мира или других основных законов Империи¹⁴. На это заключение последовательно ссылались все противники вмешательства России, прежде всего, представители императора, Пруссии, Саксонии и Ганновера, которые, в отличие от князей, имевших земли на левом берегу Рейна, не были непосредственно заинтересованы в скорейшем решении Эльзасского кризиса. Наиболее ярким было выступление на заседании сейма в Регенсбурге представителя Ганновера Дитриха Генриха Людвига барона

¹⁰ Politische Korrespondenz Karl Friedrichs von Baden. 1783—1806, Bd. 1—6. Heidelberg, 1888—1915, Bd. 1, S. 402—403.

¹¹ Oberländer E. Op. cit., S. 218—231.

¹² Briefe von Karl Friedrichs von Baden an Mainzer Kurfürsten Friedrich Karl von Erthal. 21. September 1791. — Politische Korrespondenz Karl Friedrichs von Baden, Bd. 1, S. 402—403.

¹³ Reitzel A. M. Johann Richard von Roth. Zwischen Hochschulreform und Revolution. Ein Beitrag zur Mainzer Universitätsgeschichte. — Mainzer Almanach. Beiträge aus Vergangenheit und Gegenwart. Mainz, 1969.

¹⁴ Härter K. Reichstag und Revolution 1789—1806. Die Auseinandersetzung des Immerwährenden Reichstags zu Regensburg mit den Auswirkungen der Französischen Revolution auf das Alte Reich. Göttingen, 1992, S. 179—180.

фон Омпеды, подкрепившего свою позицию весомыми правовыми аргументами¹⁵, которые впоследствии были взяты на вооружение многими немецкими публицистами. Однако все юридические возражения против инициативы курфюрста Майнца отступали на второй план перед политическими расчетами значительной части имперских князей. Многие из них, например, герцог Карл Евгений Вюртембергский, продолжали надеяться на компромисс с Францией. Они опасались, что военная поддержка, которую Россия может оказать французским принцам из дома Бурбонов, осевшим в пограничных Рейнских землях Империи и, прежде всего, в Кобленце — резиденции курфюрста Трирского, лишь обострит напряженную ситуацию и превратит Германию в арену русско-французской войны¹⁶.

Пока в рейхстаге с переменным успехом шли дебаты на эту тему, архиепископ-курфюрст Трира Клеменс Венцеслав Саксонский, сын последнего короля Польши из Саксонской династии и родной дядя Людовика XVI¹⁷ и нашедших убежище в Кобленце французских принцев¹⁸ из династии Бурбонов, перехватил у сейма дипломатическую инициативу. Страдая больше других рейнских князей от прямых угроз со стороны Франции, он лично обратился к Екатерине II как к гаранту Тешенского и Вестфальского мира с просьбой ввести войска в германские земли и защитить конституцию и суверенитет Священной Римской империи. Дипломатический демарш курфюрста Трира вызвал не только новую волну политических дискуссий в рейхстаге, но и совершил переворот в немецкой публицистике: впервые вопрос о том, какую роль должна играть Россия в германских землях, стал темой широкого общественного обсуждения. Ситуация рассматривалась сразу с двух аспектов. С одной стороны, в печати велись дебаты, имел ли право архиепископ Трира выступать с ходатайством о вмешательстве иностранной державы в Эльзасский конфликт, с другой — шел поиск ответа на вопрос: действительно ли Россия является гарантом Вестфальского мира и имперской конституции. Как сообщал один из участников начавшейся в немецкой публицистике дискуссии, спровоцированной демаршем Клеменса Венцеслава Саксонского: «Этот шаг вызвал широкую огласку и бурное обсуждение в обществе. Многие из наших публицистов сомневались в том, что Россия является гарантом Вестфальского мира, в то время как другие считали подобное обращение к Екатерине неконституционным»¹⁹.

Ввиду такой неоднозначной реакции неудивительно, что уже через месяц после инициативы курфюрста Трира, в декабре 1791 г., во Франкфурте и Лейпциге вышла брошюра, анонимный автор которой, прибегая в основном к помощи юридических аргументов, яростно отстаивал утвердительный ответ на вопрос, «является ли Екатерина, императрица России, гарантом Вестфальского мира?»²⁰. Имя автора было вскоре раскрыто: русский посланник во Франкфурте граф Румянцев вручил золотую медаль стоимостью около трехсот гульденов и благодарственное письмо Екатерины надворному советнику курфюрста Майнцкого, профессору права Иоганну Рихарду фон Роту²¹.

¹⁵ *Oberländer E.* Op. cit., S. 220.

¹⁶ *Härter K.* Op. cit., S. 178—180.

¹⁷ Родная сестра архиепископа Трира Клеменса Венцеслава Саксонского (1739—1812), Мария Жозефа Саксонская (1731—1767), в 1747 г. вышла замуж за Людовика Фердинанда, дофина Франции. Мария Жозефа Саксонская — мать трех французских монархов: Людовика XVI, Людовика XVIII и Карла X.

¹⁸ *Henke Chr.* Coblenz: Symbol für die Gegenrevolution. Die französische Emigration nach Koblenz und Kurtrier 1789—1792 und die politische Diskussion des revolutionären Frankreichs 1791—1794. Stuttgart, 2000.

¹⁹ Unparteiische Gedanken über die vom Kurtrierischen Hofe geschehene Anrufung der Kaiserin von Russland um Unterstützung gegen die Eingriffe Frankreich. Frankfurt — Leipzig, 1793. S. 3.

²⁰ Ist Katharina von Russland Garant des Westfälischen Friedens? Frankfurt — Leipzig, 1791.

²¹ Иоганн Рихард фон Рот (1749—1813) — немецкий юрист, политик, профессор права ведения университета Майнца, специалист по имперскому законодательству, с 1784 г. действитель-

Подозрение, что автором этого прорусского сочинения является Рот, еще до открытой демонстрации русской императрицей своего благоволения к нему высказал секретарь австрийской дипломатической миссии в Майнце Ганс-Юрген фон Корнрумф в письме из Кобленца от 5 января 1792 г.: «Другое сочинение “Является ли Екатерина гарантом Вестфальского мира?” вызвало большую шумиху, и, как говорят, его написал профессор Рот за хорошее вознаграждение»²². Таким образом, это была, по-видимому, заказная работа, с помощью которой российская дипломатия пыталась развеять сомнения других имперских князей в необходимости последовать примеру курфюрста Трира. Публикация брошюры стала прелюдией к развернувшейся в 1793 г. в прессе общественной дискуссии, в которой сторонники гарантий со стороны России выдвигали в основном юридические аргументы, выступая в точки зрения международного законодательства. Их противники использовали главным образом политические доводы, ставя под сомнение политическую целесообразность русских гарантий и рассматривая их как повод для вмешательства извне во внутренние дела Германии.

Рот многократно указывал, что вопрос, является ли императрица России гарантом Вестфальского мира, стал важнейшим не только для Европы, но и для Германии и, прежде всего, для решения Эльзасского кризиса и защиты притесняемых Францией имперских сословий. Опираясь на статью 16 Тешенского мира, Рот пришел к выводу, что включение Вестфальского мира в мирный договор, подписанный в Тешене, делало императрицу России гарантом не только Тешенского, но и Вестфальского мира, который был включен в него в обновленном виде. Поскольку император и Рейх безоговорочно согласились с Тешенским договором, то естественно, что отдельные имперские князья, например, курфюрст Трира, в случае нарушения Вестфальского мира, могут обратиться за помощью и поддержкой к императрице России как к гаранту установленного в германских землях «status quo». Это первое публицистическое выступление в поддержку законодательного подтверждения прав России на вмешательство в дела Империи дало повод для ответных высказываний противников дипломатических инициатив Трира.

В конце декабря 1791 г. почти одновременно с брошюрой Рота было опубликовано первое сочинение, анонимный автор которого категорически отрицал правомочность претензий России на гарантию Вестфальского мира и осуждал курфюрста Трира. Аргументация состояла в следующем: так как Российская империя не участвовала в разработке и подписании Вестфальского мира в 1648 г., а текст договора не был изменен при включении его в мирные соглашения, заключенные в Тешене в 1779 г., то согласно первоначальному договору, у Вестфальского мира существуют только два иностранных гаранта — Франция и Швеция. Любая попытка ввести дополнительных гарантов, например, демарш курфюрста Трира в отношении России, может стать губительной для всей империи: «Известно, какой риск несут с собой подобные гарантии со стороны иностранных держав, и как охотно в самые тяжелые моменты подобные гаранты используют любой повод для вмешательства в конституционное устройство и дела других государств. Нет никаких сомнений, что этот первый шаг к установлению русской гарантии, если он удастся, навязет Германской империи более чем обременительного гаранта на долгие годы, что, безусловно, вызовет множество возражений со стороны императора и самых уважаемых немецких дворов»²³.

ный надворный советник, глава имперского архива, приближенное лицо эрцканцлера курфюрста Майнцского.

²² Einige Stücke aus der Koblenzer Emigrantenzeit. — *Trierer Zeitschrift*, 1930, № 5, S. 127—130.

²³ Unparteiische Prüfung der Frage: ob die Kaiserin von Russland durch die Teschener Frieden die Garantie des Westphälischen Friedens übertragen erhalten habe, und in der Eigenschaft als Garant in desselben nun gegen Frankreich auftreten könne. Frankfurt — Leipzig, 1791. — *Reuss J. A. Teutsche Staatskanzley*, T. XXXVII. Ulm, 1799, S. 236—237.

В результате в развернувшейся в сейме с новой силой дискуссии перевес оказался на стороне противников вмешательства России во внутренние дела германских княжеств. Их аргументы имели в основном политический характер и были направлены против гарантий имперской конституции со стороны иностранных держав. Противники вмешательства России утверждали, что гарантия государственного устройства речи Посполитой была использована Россией лишь для того, чтобы легитимировать нарушения суверенитета Польши²⁴. На фоне резкой реакции представителей имперских сословий, майнцский курфюрст Фридрих Карл фон Эрталь отказался от идеи коллективного обращения к Екатерине II за помощью, полностью переложив решение этого вопроса на императора. В ответ на запрос сейма имперская канцелярия в Вене разъяснила позицию Леопольда II, заявив, что Россия является лишь гарантом Тешенского мира, император не будет расширять эту гарантию на Вестфальский мир по политическим причинам²⁵. В результате обращение Трира не поддержали даже выступавшие ранее с подобными предложениями представители Майнца, Шпейера и Бадена: «Таким образом, вопрос о гарантии имперской конституции Россией и далее оставался нерешенным»²⁶.

В имперском сейме и общественном мнении все еще продолжались дебаты, когда Национальное собрание Франции от лица всего французского народа объявило войну Австрии. Французские войска вторглись во владения германских государств на Рейне и оккупировали земли на левом берегу. Осенью 1792 г. французы заняли часть территорий Майнцского курфюршества, Шпейер, Вормс и Оппенгейм, вторглись в Пфальц и захватили Майнц. После того, как французские войска, не встретив серьезного сопротивления, подошли к Франкфурту, для многих стало очевидно, что Империя слишком разобщена, чтобы лишь собственными силами противостоять французской экспансии. Многие немцы вновь обратили свои взоры к России. В немецком обществе с новым энтузиазмом разгорелась дискуссия, участники которой пытались найти ответы на вопросы: какую роль Россия должна играть в германских землях и в Европе в целом? Может ли российская императрица обеспечить безопасность и суверенитет германских княжеств перед лицом французской экспансии, не нарушая при этом никаких правовых норм имперского законодательства?

При этом большая часть немецких интеллектуалов сознавала, что угроза целостности германских государств исходит не только с запада, со стороны Франции, но и с востока, со стороны России, о чем красноречиво свидетельствовал пример Польши. Поэтому в развитии дискуссии возникал вопрос: способна ли Россия, будучи гарантом, не только Тешенского, но и Вестфальского мирного договора, определявшего с 1648 г. статус-кво в Европе, нарушить свои обязательства и, двинув войска под каким-либо предлогом на территорию Германской империи, угрожать «немецкой свободе» и, прежде всего, ее «оплоту» — Пруссии?

За 1793—1794 гг. вышло, как минимум, четыре сочинения²⁷, посвященных поиску ответов на эти вопросы. Две первые публикации — «Беспристрастные мысли об обращении, исходящем от Курфюршества Трирского, к императрице России об оказании поддержки против посягательств со стороны Франции», изданные анонимно, и эссе «Чего следует ожидать от России в нынешнем критическом состоя-

²⁴ Oberländer E. Op. cit., S. 228—230.

²⁵ Härter K. Op. cit., S. 182—186.

²⁶ Ibid., S. 187—195.

²⁷ Unparteiische Gedanken über die vom Kurtrierschen Hofe geschehene Anrufung der Kaiserin von Russland um Unterstützung gegen Eingriffe Frankreich. Leipzig, 1793; Byern W. F. v. Was kann man von Russland in den jetzigen kritischen Zeitumständen zum Wohl der Menschheit hoffen? Frankfurt — Leipzig, 1794; Becke Fr. a. v. Auch eine Beantwortung der Frage: ist die Kaiserinn von Rußland Garant der Westphälischen Friedensschlüsse? — Heilbronn am Neckar, 1793; Wackerhagen J. K. Chr. Versuch eines Beweises dass die Kaiserin von Russland den Westphälischen Frieden weder garantieren könne, noch dürfe: Nebst einigen Bemerkungen über die neuesten Weltbegebenheiten. Frankfurt — Leipzig, 1794.

нии на благо человечества?» правоведа из пострадавшего от французской экспансии архиепископства Шпейер Вильгельма фон Броерна — на первый вопрос отвечали положительно. Именно от России авторы этих сочинений ждали помощи и «спасения Европы от диких французских орд»²⁸. После оккупации рейнских земель французскими войсками и создания Майнской республики²⁹, в которой авторы публикаций видели пример «распространения революционной заразы, оскверняющей немецкую землю»³⁰, а также начало распада Империи, многие ждали, что Леопольд II, возглавив союзные армии Пруссии и имперских князей, вступится за немецкие юго-западные княжества, которые понесли наибольшие территориальные потери. В частности, архиепископ и курфюрст Майнца Фридрих Карл Йозеф фон Эрталь был вынужден покинуть свои земли, а курфюрст Трира попал в тяжелейшую ситуацию из-за поддержки французских эмигрантов. «С патриотическим воодушевлением вся Германия следила за судьбой Трира, сочувствуя унижению, которому подверглись одни из первых ее членов»³¹, — отметил анонимный автор «Беспристрастных мыслей». Но Национальное собрание Франции никак не отреагировало на протесты немецких князей. «Одинокое настоятельное обращение» архиепископа Майнца не принесло результата. Император Леопольд также безрезультатно писал Людовику XVI, напоминая ему и Национальному собранию о необходимости соблюдать международные договоры, подписанные Францией, «которые обеспечивали оспариваемые ею права немецких государств»³². Прежде всего, имелся в виду Вестфальский мир, гарантом которого с 1648 г. вместе со Швецией была Франция, а с 1779 г. после подписания Тешенского договора на место Швеции претендовала Россия. Так как Французская республика, нарушив основные статьи европейского международного права, автоматически перестала быть гарантом этого договора, авторы обоих сочинений считали вполне законным с точки зрения имперской конституции, что один из курфюрстов обратился за помощью к оставшемуся гаранту — российской императрице, «к бессмертной Екатерине, великой государыне, гордости и украшению своего пола и нашего века»³³, видя в ней последнюю и единственную защиту целостности и суверенитета германских земель.

О том, что они были вовсе не одиноки в своей приверженности к России, как единственной силе, способной восстановить статус-кво в Европе, говорит факт, что известный немецкий биолог, географ и философ Эберхард фон Циммерман, посвятивший себя наукам и далекий от политики, в академическом труде «Франция и свободные государства Северной Америки» в разделе, посвященном Франции, написал: «Пусть Россия пока еще не принадлежит к числу свободных стран, но только она может спасти Германию от французского терроризма. Сегодня Европа должна обратить свой взор на Север, где на наших глазах вот-вот взойдет новое светило, которое испепелит чудовище революции, и, как Вифлеемская звезда, поведет спасенную цивилизацию за собой, подарив ей новую надежду»³⁴. Прорусская позиция

²⁸ *Byern W. F. v. Op. cit., S. 8.*

²⁹ Майнская республика (Майнская коммуна; 21 октября 1792 г. — 23 июля 1793 г.) — государственное образование с центром в г. Майнц, возникшее после оккупации курфюршества Майнского и его столицы 21 октября 1792 г. французской революционной армией под командованием генерала А. Ф. Кюстина. Майнская республика превратилась в центр революционного движения. После принятия французским Конвентом 15 декабря 1792 г. декрета о реформах на оккупированных французскими войсками территориях в Майнце был ликвидирован сеньориальный строй, провозглашен суверенитет народа, проведены выборы в органы власти. 17 марта 1793 г. в Майнце открылся Рейнско-немецкий национальный Конвент, проголосовавший за присоединение Майнской республики к Франции.

³⁰ *Byern W. F. v. Op. cit., S. 11.*

³¹ *Unparteiische Gedanken, S. 1.*

³² *Ibid., S. 2.*

³³ *Ibid., S. 29.*

³⁴ *Zimmermann E. A. W. v. Frankreich und die Freistaaten von Nordamerika: verglichen in Hinsicht ihrer Länder, ihrer Natur-Produkte, ihrer Bewohner und der Bildung ihrer Staaten, Bd. 1. Berlin, 1795, S. 433.*

выдающегося естествоиспытателя, а также мнения авторов упомянутых брошюр, свидетельствуют, во-первых, о серьезном кризисе не только имперского, но и европейского самосознания немецких интеллектуалов: они ищут спасение Германии от французской экспансии не внутри Империи, а вне ее, и более того, за рамками «ядра» старой Европы, частью правовой системы которой являлся Вестфальский трактат. Во-вторых, высказывание Циммермана содержало одну из последних отсылок к «прогрессистскому» мифу о России классического Просвещения, который на тот момент был почти уничтожен французской революционной публицистикой.

Два других сочинения, опубликованных в Лейпциге в 1793—1794 гг. и посвященных роли России в сохранении пошатнувшегося суверенитета имперских князей, были написаны с противоположных позиций, а их авторы находились в состоянии острой полемики между собой. Оба были правоведами и несомненными сторонниками монархии, сделавшими удачную карьеру на государственной службе. Один из них, Франц Арнольд фон Беке — юрист, политик, публицист, изучал право в университетах Геттингена и Хайдельберга. С 1782 г. он возглавлял придворную палату в архиепископстве Шпейер, а затем получил чин тайного советника при дворе маркграфа Баденского Карла VI Фридриха, имевшего тесные дружеские и родственные связи с русской императорской семьей. Его внучка, Луиза Мария Августа Баденская, в 1793 г. с одобрения Екатерины II вышла замуж за наследника престола России Александра Павловича, став впоследствии российской императрицей Елизаветой Алексеевной. Другой автор — Иоганн Карл Христиан фон Вакерхаген, во время написания эссе с длинным названием «Попытка доказать, что императрица России не может гарантировать условия Вестфальского мира: наряду с некоторыми замечаниями о последних международных событиях» служил вице-консулом посольства Ганновера в землях Нижней Саксонии. Франц Арнольд фон Беке в брошюре «Еще один ответ на вопрос: является ли императрица России гарантом Вестфальских мирных соглашений?» на поставленный вопрос отвечал утвердительно. Как и майнцский профессор Карл фон Рот, он посвятил свое сочинение сбору юридических доказательств, подтверждавших правомочность возможного ввода Екатериной II русских войск на территорию Священной Римской империи для изгнания французов. Приводя много документов, фон Беке пытался доказать, что если текст Вестфальского мирного договора 1648 г. был полностью включен в Тешенский трактат 1779 г., то Екатерина, будучи гарантом Тешенского мира, автоматически становится гарантом и Вестфальского мира. Поэтому ее прямой обязанностью и неотъемлемым правом является не только вмешательство в австро-прусские конфликты внутри Священной Римской империи, но и восстановление статус-кво в Европе любым, даже военным способом. Тем самым автор оправдывал и полностью поддерживал обращение курфюрста Трирского к русской императрице о восстановлении суверенитета германских земель.

Ганноверский дипломат Иоганн фон Вакерхаген полагал, что курфюрст Трира превысил свои полномочия, и его обращение, не поддержанное официально ни рейхстагом, ни императором, полностью выходит из правового поля имперского законодательства. Критикуя оппонентов, он пытался опорочить их репутацию, обвинив их, как минимум, в ангажированности, как максимум, в продажности. Относительно анонимного автора эссе «Беспристрастные мысли» Вакерхаген, утверждая, что тот принадлежит к ближайшему окружению курфюрста Трирского, намекал, что сочинение было написано по прямому указанию последнего³⁵. Что же касается Карла фон Рота, сочинение которого спровоцировало общественную дискуссию, то Вакерхаген не только говорил о его некомпетентности и пристрастности, подчеркивая близость автора к пострадавшему курфюрсту Майнцскому, но и прямо обвинял его в том, что создание брошюры было оплачено русским правительством и написано для отстаивания интересов России в германских землях: «В прошлом

³⁵ Wackerhagen J. K. Chr. Op. cit., S. 9.

году во Франкфурте в качестве поощрения за ее написание он получил золотую медаль стоимостью около трехсот гульденов и милостивую благодарственную грамоту от императрицы... мне ничего не известно о каком-либо другом случае, где бы так счастливо соединились вместе патриотизм, личная выгода и вознаграждение от иностранного государя»³⁶.

Упрекая своих оппонентов в ангажированности, Вакерхаген, сделавший головокружительную карьеру при Ганноверском дворе (будучи в ранге министра, в 1801 г. в возрасте 31 года он возглавил главное почтовое ведомство Ганновера), скромно умалчивает о собственной, как минимум, пристрастности в этом вопросе. После того, как в 1714 г. курфюрст Ганноверский Георг Людвиг стал королем Великобритании под именем Георга V, Британия и курфюршество стали управляться в рамках личной унии, т. е. влияние на позицию автора памфлета иностранного двора, а именно английского, традиционно находящегося в сложных отношениях как с Францией, так и с Россией, было очевидным. Вступление в силу русско-английской конвенции 1793 г. о взаимопомощи в борьбе против Франции не повлияло на смягчение внешнеполитических противоречий между двумя странами. Кроме того, позиция представителя Ганновера в Регенсбурге барона фон Омпеды была наиболее непримиримой в отношении распространения гарантийных прав России с Тешенского мира на Вестфальский.

Вакерхаген видит Германию «между двух огней» — двух опасных держав, стремящихся к экспансии. Причем Россия из-за своей лицемерной позиции представляется ему еще более опасной, чем Франция. Если последняя действует открыто, оккупировав германские территории на западе, то Россию немцы готовы сами пригласить в свои земли, чем она непременно воспользуется, чтобы захватить часть Империи на востоке. В подтверждение своей правоты Вакерхаген приводит пример Польши, а также еще два довода, демонстрирующих, как в немецкой публицистике начинает формироваться подчерпнутый у французов комплекс «русской угрозы». Первый аргумент основан на страхе перед агрессивными планами Екатерины в отношении Европы и расширением русских территорий с использованием позаимствованной у французской пропаганды метафоры о «колоссе на глиняных ногах». Вакерхаген писал: «Наверное, меня упрекнут в том, что я слишком боюсь военных планов России и очевидного расширения ее территорий, последствия которых нельзя просчитать». Далее он почти дословно повторяет тезис памфлета Малле дю Пана³⁷ «Об угрозе политическому балансу Европы»³⁸: «Следует ли ожидать, что этот колосс, согласно современным историко-политическим рассуждениям, падет жертвой собственных гигантских размеров? Раскрошатся ли глиняные ноги этого великана под тяжестью его железного гигантского тела? Если этот колосс не рухнет на нас, я буду очень рад, что напрасно слишком боялся»³⁹.

Второй довод Вакерхагена вытекает из первого и связан с тем, что после «поглощения Польши», которая утратила свою независимость и «больше не является шлагбаумом между нами и Россией», именно Германия должна стать следующей жертвой: «Разве мы не должны опасаться, — риторически вопрошает Вакерхаген, —

³⁶ Ibid., S. 4.

³⁷ Жак Малле дю Пан (1749—1800) — политический публицист швейцарского происхождения, автор направленного против России памфлета «Об угрозе политическому балансу в Европе или анализ причин, поколебавших его основы на Севере со времени восшествия на российский престол Екатерины II», анонимно опубликованного в Лондоне и Лейпциге на французском и немецком языках в 1789—1790 гг. В этом сочинении впервые в целостном виде были изложены основные положения политической идеологии о «русской угрозе». Памфлет, увидевший свет во время русско-шведской войны, был предположительно написан по заказу шведского короля Густава III.

³⁸ Über die Gefahr des politischen Gleichgewichts in Europa oder Auseinandersetzung der Ursachen, die dasselbe seit der Thronbesteigung der russischen Kaiserinn Katharina II. im Norden erschüttert haben. London, 1790; Leipzig, 1791.

³⁹ Wackerhagen J. K. Chr. Op. cit., S. VII.

что солнце, которое так страшно поднимается ввысь на Востоке, уничтожит нашу свободу на Западе?»⁴⁰. Опять вспоминая Польшу, которая пала жертвой «внутренних беспорядков» и раскола среди элит, автор утверждает: если имперские князья, а также Австрия и Пруссия не престанут враждовать между собой, их постигнет та же участь, что и соседнее государство, превратившееся в «одну из русских провинций».

Единственной альтернативой французской угрозе с запада и русской угрозе с востока, по мысли Вакерхагена, является «подлинный немецкий патриотизм», возрождение «корпоративного духа» и единство: «С помощью своевременных контрмер и совместных согласованных действий мы сможем остановить любое стремление к расширению границ, поставить предел для любой чужой экспансии и ограничить непомерные амбиции державы, которая, кажется, одержима химерой всевластия»⁴¹. Вакерхаген — единственный немецкий монархист конца XVIII в., которому не свойственны эсхатологические настроения. Он одним из первых заговорил о единстве и «германском патриотизме», пусть и в рамках Империи, как о реальной силе, способной отстоять независимость перед лицом любого врага и победить любой «революционный хаос». В качестве одного из стимулов к укреплению «германского патриотизма» и сплочению имперских элит «русская угроза» как дополнение к традиционной «французской угрозе» пришлась весьма кстати. Насильственный раздел Польши и аннексия Курляндии в 1795 г. в значительной мере способствовали тому, что Россия в стремительно распадавшейся Священной Римской империи начала быстро терять завоеванный ею в результате посредничества в мирных переговорах в Тешене авторитет державы-гаранта мира и стабильности. К середине революционного десятилетия уже мало кто верил в благородство и бескорыстие намерений Екатерины в отношении германских государств.

Справедливости ради, надо отметить, что окончательно имперское единство и суверенитет уничтожила не Россия, а Пруссия, заключившая 5 апреля 1795 г. в Базеле после непродолжительных тайных переговоров сепаратный мир с Францией, по условиям которого узаконивалась оккупация французскими войсками немецких земель на левом берегу Рейна. Этот договор не только знаменовал собой начало распада первой антифранцузской коалиции, но и полностью уничтожил статус-кво в Священной Римской империи, так как сразу после его заключения Пруссия при полном одобрении Франции оккупировала родной для Вакерхагена Ганновер.

Что же касается политики российской императрицы, то она никогда не угрожала Империи. Усилия России были направлены, прежде всего, «на поддержание равновесия между двумя германскими державами и защиту имперской конституции от амбиций Австрии, и Пруссии»⁴². О российских территориальных приобретениях в германских землях не шла речь даже тогда, когда Екатерина после колебаний присоединилась к антифранцузскому союзу Австрии и Англии во второй половине 1795 г. В последние годы своего правления Екатерина стремилась лишь к тому, чтобы не допустить возникновения антирусской коалиции, возможность которой впервые появилась в связи с заключением Базельского мира между Французской республикой и Прусским королевством⁴³. Как и прежде, во главу угла Екатерина ставила восстановление европейского баланса сил, в уничтожении которого ее так яростно обвиняли.

⁴⁰ Ibid., S. VIII.

⁴¹ Wackerhagen J. K. *Chr.* Op. cit., S. X.

⁴² Шаф. К. Екатерина II, Германия и немцы. М., 2015, с. 263—264.

⁴³ Там же, с. 264.